

RU

Риторическая стратегия «шпильбрехер» в англоязычном медиатизированном политическом дискурсе (на материале интернет-постов Дональда Трампа 2025-2026 гг.)

Симонова Е. П.

Аннотация. Цель настоящего исследования – доказать, что речевое поведение Д. Трампа в интернет-постах представляет собой реализацию риторической стратегии «шпильбрехера», создающей в медиатизированном дискурсе прецедент для изменения норм политической коммуникации. Опираясь на теории Й. Хейзинги и Л. Витгенштейна, автор рассматривает политическую коммуникацию как языковую игру, правила и границы которой нарушаются шпильбрехером. На материале интернет-постов Д. Трампа выявлены лексические, стилистические и синтаксические маркеры системного нарушения институциональных норм. Полученные результаты интерпретируются как процесс, постепенно размывающий границы допустимого в политической коммуникации. Научная новизна заключается в том, что впервые выявлены элементы структурной организации риторической стратегии «шпильбрехера». Полученные результаты показали три устойчивых элемента нарративного сценария (поляризация, ультиматум и уход от ответственности), три группы лексических повторов (единицы с положительной, отрицательной оценкой и маркеры угрозы), три категории речевых тактик (конструирование альтернативной реальности, уничтожение оппонента, принуждение в сочетании с уходом от ответственности), а также четыре бинарные оппозиции, организующие смысловое пространство постов.

EN

The rhetorical strategy of “Spielbrecher” in English-language mediatized political discourse (based on Donald Trump’s internet posts, 2025-2026)

E. P. Simonova

Abstract. This study aims to prove that Donald Trump’s internet posts implement the rhetorical strategy of the “Spielbrecher”, which sets a precedent for changing the norms of political communication in mediatized discourse. Drawing on the theories of J. Huizinga and L. Wittgenstein, the author views political communication as a language game whose rules and boundaries are violated by the “Spielbrecher” in order to establish a new game with different rules. The author identifies lexical, stylistic, and syntactic markers of systematic violations of institutional political communication norms in Trump’s posts. These violations constitute a process that gradually blurs the boundaries of what is acceptable in political communication. The study’s scientific novelty lies in identifying, for the first time, the structural elements of the rhetorical strategy “Spielbrecher”. The study identifies three stable elements of the narrative scenario (polarization, ultimatum, avoidance of responsibility); three groups of lexical repetitions (positive evaluation, negative evaluation, threat markers); three categories of speech tactics (construction of alternative reality, annihilation of the opponent, coercion combined with avoidance of responsibility); and four binary oppositions that organize the semantic space of the posts.

Введение

Актуальность темы исследования определяется, во-первых, значимостью языковой личности Д. Трампа как объекта лингвоперсонологического анализа в русле антропоцентрического направления современных дискурсивных исследований. Речевой портрет политика позволяет раскрыть его личность, установить цели и ценности, а сами средства речевого воздействия, используемые им, способны предвосхищать социальные изменения. Речевое поведение действующего президента США демонстрирует системный выход за рамки

институциональной роли, что ставит перед политической лингвистикой и теорией дискурса вопрос о природе и механизмах подобной риторической практики. Острота этого вопроса обусловлена тем, что регулярное нарушение институциональных норм первым лицом государства в рамках международной политики формирует прецедент, потенциально меняющий границы допустимого в публичной коммуникации.

Во-вторых, актуальность темы связана с необходимостью осмысления трансформации институциональных норм политической коммуникации под влиянием медиатизации. Медиатизированный политический дискурс как гибридная форма коммуникации (Тань Цзе, 2025) создает среду, в которой снижаются институциональные ограничения, а политик получает возможность напрямую обращаться к массовой аудитории, минуя традиционных медиопосредников. В этих условиях систематическое нарушение речевых норм перестает быть коммуникативной случайностью и приобретает характер осознанной риторической стратегии, бросающей вызов традиционным моделям политической коммуникации.

В-третьих, актуальной представляется концептуализация данного феномена как целенаправленной стратегии создания новой языковой игры. Решение этой задачи значимо не только для объяснения текущих дискурсивных практик, но и для прогнозирования дальнейшей эволюции институциональной коммуникации в цифровую эпоху.

Для достижения поставленной цели сформулированы следующие задачи: 1) охарактеризовать медиатизированный политический дискурс как среду реализации стратегии «шпильбрехера»; 2) подтвердить регулярный характер речевых нарушений в интернет-постах Д. Трампа; 3) выявить и классифицировать лингвистические средства реализации стратегии «шпильбрехера» в интернет-постах Д. Трампа; 4) проанализировать бинарные оппозиции, организующие смысловое пространство высказываний Трампа; 5) интерпретировать выявленные речевые практики через понятие «шпильбрехера» в теории игры Й. Хейзинги.

Материалом для исследования послужили интернет-посты Д. Трампа, опубликованные им в социальных сетях (*Truth Social*) в период с мая 2025 года по апрель 2026 года. Выборка из открытых источников составила 52 поста, что, на наш взгляд, является достаточным для качественного дискурс-анализа, ориентированного на выявление устойчивых риторических моделей. Выбранные посты демонстрируют основные коммуникативные ситуации: международная политика (Иран, Россия, Украина, Израиль, НАТО), внутренние оппоненты (СМИ, политические противники, бывшие сторонники) и экономические заявления.

Теоретическую базу исследования составляют работы по медиатизированному политическому дискурсу, институциональной коммуникации, лингвоперсоналогии, культурологии и философии языка. Концепция медиатизированного политического дискурса как гибридной формы коммуникации, возникающей на стыке политического и медийного дискурсов и расширяющей состав участников и стилистические нормы, опирается на труды Тань Цзе (2024; 2025), А. А. Давыдовой (2025), О. Ф. Русаковой и Е. Г. Грибовод (2014). Специфика интернет-поста как жанра политического заявления, совмещающего черты устной и письменной речи, раскрывается с опорой на работу Ю. В. Балакиной (2016). Теория институционального дискурса В. И. Карасика (2002) используется для определения статусно-ролевых границ политической коммуникации. Работа Е. И. Шейгал (2000) привлекается для описания политического скандала как коммуникативного события, спровоцированного конкретным нарушением, и служит основой для разграничения спонтанного скандала и системной стратегии. При интерпретации регулярных речевых нарушений как устойчивой речевой привычки мы опираемся на положения лингвоперсоналогии Л. С. Поляковой (2012). Метод бинарных оппозиций, применяемый для анализа смыслового пространства постов, опирается на структурную антропологию К. Леви-Стросса (1983), показавшего, что бинарные структуры организуют мышление и культуру. Выводы Т. Н. Лобановой и В. М. Середенко (2025) о речевом поведении Д. Трампа как системной стратегии, служащей «аксиологическим ориентиром» современной американской политической культуры, используются для обоснования перехода от эпизодических нарушений к их интерпретации в качестве целостной риторической модели. Для обоснования стратегии «шпильбрехера» мы обращаемся к теории игры Й. Хейзинги (2018), в рамках которой политика трактуется как игровая деятельность с правилами и границами. Философская концепция языковых игр Л. Витгенштейна (1985) привлекается для интерпретации смены коммуникативных правил как перехода к новой языковой игре.

Методы, применяемые в данном исследовании, обусловлены поставленной целью и задачами. На этапе отбора материала применялся метод сплошной выборки, позволивший сформировать корпус из 52 интернет-постов Д. Трампа, опубликованных в социальной сети *Truth Social* в период с мая 2025 года по апрель 2026 года. Дискурс-анализ использовался для описания коммуникативных ситуаций, в которых реализуется стратегия «шпильбрехера», и выявления их жанровой специфики. Контент-анализ в сочетании с методом количественного анализа использовался для выявления и подсчета частотности лексических повторов, что позволило выделить три группы семантически маркированных единиц. Стилистический анализ применялся для описания гиперболы и литоты как доминирующих средств создания контраста и эмоционального воздействия в постах Д. Трампа, а также для выявления синтаксических средств экспрессии. Метод бинарных оппозиций использовался для реконструкции смыслового пространства постов. Интерпретационный метод применялся для объяснения выявленных речевых тактик и нарративного сценария через понятие «шпильбрехера» в теории игры Й. Хейзинги, что позволило описать системные нарушения институциональных норм как целостную риторическую стратегию.

Практическая значимость данного исследования заключается в возможности применения его результатов на практических и теоретических занятиях по риторике, культурологии, лингвистике текста и стилистике.

Обсуждение и результаты

В. И. Карасик (2002) выделяет персональный и институциональный дискурсы. В персональном дискурсе «говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира», а в институциональном – «как представитель определенного социального института» (Карасик, 2002, с. 190). Политический дискурс, таким образом, задает рамку институциональных ожиданий между участниками «неким общением в определенных общепринятых рамках» (Яковлева, 2022, с. 162). От политика ожидается, что он будет говорить как «представитель института», а не как частное лицо. Именно поэтому институциональное общение метафорически может определяться как «общение в масках» – участник выступает не как личность, а как носитель статуса. Речь такого участника предсказуема, и от него ожидают определенного поведения (институциональные ожидания). Как отмечает В. И. Карасик, «существует интуитивно ощутимая участниками общения граница, выход за которую подрывает основы существования того или иного общественного института» (2002, с. 45-46).

Однако речевое поведение представителя какого-либо социального института не всегда соответствует четко заданным границам дискурса. Это объясняется тем, что речевое поведение – это опыт, «свернувшийся в результате многократного повторения <...> и ушедший вглубь сознания» (Полякова, 2012, с. 45). Из этого следует, что, с одной стороны, институциональное речевое поведение «социально, а значит, включает элемент стереотипности, присущий определенной социальной группе», а с другой – «столь же неповторимо и уникально, как каждая отдельно взятая личность» (Полякова, 2012, с. 45). Размытость границ дискурсов и тенденция к их гибридизации, которые исследователи отмечали еще в начале XXI века (Карасик, 2002; Шейгал, 2000), усиливают проявление личностного аспекта в политической коммуникации. Особенно очевидной эта тенденция становится в цифровой среде (Давыдова, 2025).

Активное слияние интернет-, медиа- и политического дискурсов привело к возникновению медиатизированного политического дискурса, совмещающего признаки всех исходных типов. От медийного в нем – ориентация на массовую аудиторию, краткость, визуальность и стремление к вовлечению (Давыдова, 2025); от политического – борьба за власть, легитимация решений и воздействующая функция высказывания; от интернет-дискурса – «функционирование электронных письменных текстов, “живущих” по законам устного общения» (Балакина, 2016, с. 18). Особенно важным в таком гибридизированном дискурсе становится то, что право на формирование повестки переходит от традиционно игравшего роль главного носителя политического медиадискурса журналиста к политику, чья влияние измеряется способностью создавать вовлекающий, вирусный контент и выстраивать эмоциональную связь с аудиторией (Русакова, Грибовод, 2014, с. 67).

Важной особенностью социальных цифровых платформ является то, что они позволяют политику высказываться напрямую, минуя институциональных посредников, оперативно легитимировать решения и получать мгновенную обратную связь (Русакова, Грибовод, 2014). Как отмечает Тянь Цзе (2024), особую роль здесь играют образные единицы (метафоры, фразеологизмы, прецедентные феномены, просторечия), которые выполняют функции усиления содержания, экономии языковых средств и аттрактивную – привлечение внимания аудитории. Эти функции становятся особенно значимыми, когда политик использует интернет-посты как основной канал коммуникации, стремясь к немедленному эмоциональному воздействию. Становясь медиаменеджером собственного образа и автором персонального нарратива, политик адаптирует свою речь к этим новым каналам коммуникации, что позволяет выделить подобную дискурсивную практику как речевой жанр.

По словам А. Н. Баранова, речевой жанр – это «сценарий (алгоритм) использования дискурсивных практик при выражении соответствующего содержания», представляющих как «структура, фиксированная последовательность, которая связывается с конкретным речевым намерением» (Баранов, 2022, с. 147). То есть, интернет-пост, рассматриваемый как жанр политического заявления, должен демонстрировать узнаваемость, структурные признаки, сценарную последовательность и прагматическую цель. Интернет-пост, рассматриваемый как речевой жанр политической коммуникации в медиатизированном политическом дискурсе, нацелен на информирование и воздействие; характеризуется краткостью, интерактивностью, устно-письменной природой, наличием логического и смыслового фокуса, отсутствием редакторской правки и ориентацией на немедленную реакцию аудитории.

Действующий президент США Дональд Трамп активно использует социальные сети для политических высказываний. Журналисты, комментируя содержание его постов, отмечают, что отдельные эпизоды его публикаций приобретают характер «информационных штурмов», когда, например, в течение трех часов он публикует более 55 сообщений (Tait, 2026; Collins, 2026), а также указывают на наличие в этих постах конспирологических теорий и личных нападок (Tait, 2026). Исследователи-лингвисты в отношении риторики нынешнего президента США также отмечают регулярность нарушения им правил приличия, ожидаемых от публичного лица такого уровня: речевую агрессию, атаки на оппонентов, уничижительные прозвища и угрозы (Зырянова, 2025). Более того, его речевое поведение признается «аксиологическим ориентиром» современной американской политической культуры (Лобанова, Середенко, 2025).

Анализируя специфику речевого поведения Д. Трампа, Л. В. Минаева отмечает, что, начиная с президентской избирательной кампании в 2016 году, «речевое поведение Д. Трампа опирается на стратегию дискредитации и нападения <...>, но в случае Д. Трампа это уже *стиль жизни*» (курсив наш. – Е. С.) (Минаева, 2020, с. 155).

С позиции лингвистики нарушения языковых норм рассматриваются в рамках лингвокреативности. Одним из ее проявлений является языковая игра – намеренное, осознаваемое говорящим нарушение языковых

норм, которое служит достижению определенного прагматического или эстетического эффекта (Новосад, Юрина, 2024). Однако в фокусе данного исследования находятся не языковые нормы, а речевое поведение, выходящее за рамки статусной роли. Таким образом, лингвокреативность объясняет, как можно нарушать правила языка, но не объясняет природу нарушения норм институциональной коммуникации.

Чрезмерная эмоциональность и спонтанность интернет-постов со стороны президента США, а также нарушение им уже и без того сниженных институциональных норм привлекает к нему внимание и вызывает резкую критику со стороны других влиятельных политиков и широкой общественности. Однако это не останавливает политика, и такие нарушения приобретают регулярный, системный характер.

Для анализа нарушений институциональных норм политической коммуникации Е. И. Шейгал (2000) вводит понятие политического скандала и рассматривает его как одну из форм политического нарратива. Нарративный подход объясняет скандал как коммуникативное событие, разворачивающееся вокруг уже свершившегося факта нарушения этических или правовых норм политиком, в котором происходит публичное обвинение, защита или контратака, демонстрирующая противоречия между ожидаемым и реальным поведением политика (Шейгал, 2000). В центре скандала всегда находится конкретное нарушение, а сам скандал представляет собой реакцию на это событие – спонтанную, разовую, развивающуюся по определенному сценарию (Шейгал, 2000). Однако в случае Д. Трампа мы наблюдаем не скандал, а регулярное воспроизведение скандальной коммуникации, которая фактически становится его повседневной речевой практикой. Это позволяет предположить, что мы имеем дело не с отдельными нарушениями, а с интенциональным речевым поведением авторитетного политика, создающим прецедент, постепенно размывающий границы допустимого в политической коммуникации.

Системный, а не эпизодический характер нарушений коммуникативных норм действующим президентом США Д. Трампом находит эмпирическое подтверждение в ряде новых исследований (2024–2026 годы), посвященных анализу его речевого поведения. И. П. Зырянова (2025) на основе количественного анализа фиксирует, что 62% высказываний Д. Трампа являются некорректными; отклонения демонстрируют устойчивую повторяемость, что свидетельствует об осознанной риторической привычке. А. В. Останина (2024) на материале карикатур показывает, что Д. Трамп последовательно изображается как нарушитель спокойствия, угроза – восприятие шпильбрехера формируется и на визуальном уровне.

Наконец, Т. Н. Лобанова и В. М. Середенко (2025) на материале публикаций и постов Д. Трампа выявляют и классифицируют наиболее частотные языковые средства экспрессии. Авторы установили, что Д. Трамп активно использует капитализацию (использование заглавных букв: GREAT, LAWFUL / великий, законный), эмоционально-образные средства (метафоры, сравнения, перифраз), а также императивные конструкции. Исследователи подчеркивают, что выбор языковых средств экспрессии не может быть случайным: он представляет собой результат сочетания сдержанности, уверенности в себе наряду с эмоциями и оценками. Значимым для настоящего исследования является вывод ученых о том, что стратегия Д. Трампа, при всей ее внешней хаотичности, является системной. По словам Т. Н. Лобановой и В. М. Середенко, «то, что может казаться стратегией, полной ошибок, на самом деле является аксиологическим ориентиром американской политической культуры на данном историческом этапе: просто прощупывание ситуации методом “тычков”» (2025, с. 266).

Таким образом, перечисленные исследования фиксируют наличие регулярных нарушений со стороны Д. Трампа (некорректность, образ нарушителя спокойствия, угрозы и экспрессивность). Этот вывод подтверждает нашу гипотезу о том, что нарушение институциональных норм в риторике Д. Трампа – это устойчивая речевая привычка, системная стратегия, имеющая глубинные основания.

Для объяснения выявленного феномена мы обращаемся к фундаментальному исследованию нидерландского культуролога Й. Хейзинги (2018) “*Homo ludens*” («Человек играющий»). Ученый анализирует феномен игры и его универсальное значение в человеческой цивилизации. Он пишет, что игровое поведение пронизывает язык, искусство, любовь, религию, политику, философию, спорт, военное дело и другие аспекты человеческой деятельности. Помимо агональности как основного признака игры важное значение имеют также границы и правила, которые должны соблюдаться всеми участниками. Однако Й. Хейзинга признает, что в игре могут появляться нарушители, для обозначения которых он вводит понятие шпильбрехер (*Spielbrecher*). К шпильбрехерам ученый относит еретиков, вольнодумцев, революционеров. Они не только отказываются соблюдать правила существующей игры, но и создают «новое сообщество, со своими собственными, новыми правилами» (Хейзинга, 2018, с. 26).

Глубже понять природу такой стратегии поможет прояснение концептуальной связи между теорией Й. Хейзинги и лингвистической философией Л. Витгенштейна. Ученые обращаются к осмыслению игры как фундаментальной категории практически одновременно, но независимо друг от друга, а сопоставление этих двух концепций позволяет увидеть глубокую связь между культурой и языком. Критикуя традиционное представление о том, что значение слова определяется его референцией к предмету, Л. Витгенштейн переносит игровую метафору в область языка и вводит понятие «языковой игры», которую понимает как целое, состоящее из языка и действий, с которыми он переплетен (Витгенштейн, 1985, с. 82). Каждая языковая игра (приказ, вопрос, рассказ о событии, шутка или молитва) имеет свои правила, которые определяют, что в ней является осмысленным, а что нет (Витгенштейн, 1985, с. 82–90).

Й. Хейзинга вводит понятие *homo ludens*, противопоставляя его традиционному *homo sapiens*, поскольку сам человек определяется не только способностью мыслить, но и способностью играть, а значит, устанавливать и соблюдать ее правила. Фигура нарушителя игры возникает в тот момент, когда участник отказывается

соблюдать как существующие границы, так и общие для всех участников правила, что тем самым ставит под вопрос саму возможность игры (Хейзинга, 2018, с. 27-28). По Й. Хейзинге, всякое политическое сообщество, а также система международного права обладают признаками игры и поддерживаются взаимным признанием работающих как ее правила принципов. Утверждение *pacta sunt servanda* («договоры должны выполняться») фактически означает, что целостность международной правовой системы покоится лишь на добровольном участии, а соблюдение норм международного права, резюмирует Й. Хейзинга, всегда в высокой степени зависело от следования понятиям чести, приличия и хорошего тона (Хейзинга, 2018, с. 126-127). Таким образом, если Й. Хейзинга показывает, что культура возникает из игры и существует по игровым правилам, то Л. Витгенштейн демонстрирует, что язык сам представляет собой множество игр, каждая из которых имеет свою логику и свои правила. Применительно к нашей работе это означает, что медиатизированный политический дискурс – это особая языковая игра с хоть и сниженными, но устоявшимися нормами: сокращенной дистанцией между участниками, стилистическими правилами и допустимыми формами критики, дисфемизации. Политик-«шпильбрехер» не выходит за пределы языка как такового. Он создает новую языковую игру, в которой границы допустимого смещаются все больше. Речевое поведение Д. Трампа создает прецедент, который, подобно «окнам Овертона», постепенно «размывает» границы допустимого в политической коммуникации. Таким образом, можно предположить, что регулярное нарушение норм политической коммуникации является стратегией формирования новой, сниженной институциональной нормы. Реализация такой стратегии, по нашему мнению, становится возможной только в цифровом пространстве, где прямой контакт с аудиторией позволяет политику обходиться без традиционных посредников. В медиатизированном политическом дискурсе данная риторическая стратегия обнаруживает себя в языковом материале, реализуясь через конкретные речевые тактики.

Проведенный нами анализ постов Д. Трампа показывает, что нарушения институциональных норм складываются в повторяющийся и, следовательно, предсказуемый нарративный сценарий. В этом сценарии выделяются три ядерных элемента, порядок следования которых может варьироваться: (1) поляризация (речевые тактики: угроза / демонизация оппонента), (2) ультиматум (речевые тактики: требование и возложение ответственности на адресата), (3) уход от ответственности (речевые тактики: снятие личной ответственности / утопическая альтернатива / мифологическое обоснование). Продемонстрируем, как эти три элемента воспроизводятся в постах Д. Трампа. В качестве примера обратимся к посту, опубликованному на платформе *Truth Social*.

“A whole civilization will die tonight, never to be brought back again. I don’t want that to happen, but it probably will. However, now that we have Complete and Total Regime Change, where different, smarter, and less radicalized minds prevail, maybe something revolutionarily wonderful can happen, WHO KNOWS? We will find out tonight, one of the most important moments in the long and complex history of the World. 47 years of extortion, corruption, and death, will finally end. God Bless the Great People of Iran!” (Daily Caller, 2026). / *Целая цивилизация погибнет сегодня ночью, она уже никогда не будет восстановлена. Я не хочу, чтобы это случилось, но, вероятно, так и будет. Однако сейчас, когда произошла Полная и Тотальная Смена Режима, в котором господствуют иные, более умные и менее радикальные умы, возможно, произойдет нечто революционно прекрасное, КТО ЗНАЕТ? Сегодня вечером, в один из самых важных моментов долгой и сложной истории Мира, мы узнаем. 47 лет вымогательства, коррупции и смерти наконец-то закончатся. Боже, благослови Великий Народ Ирана!* (здесь и далее перевод наш. – Е. П.).

В приведенном посте обнаруживаются все три ядерных элемента, описанного нами нарративного сценария.

Поляризация (1) реализуется через речевую тактику глобальной угрозы *“A whole civilization will die tonight”* и демонизации старого режима *“47 years of extortion, corruption, and death”*, что задает бинарную оппозицию «новый (идеальный) режим / старый (террористический) режим».

Ультиматум (2) выражен через тактику установления крайнего срока *“We will find out tonight”* и драматизацию выбора между уничтожением *“will die tonight”* и чудом *“something revolutionarily wonderful”*, причем ответственность за исход возлагается на адресата – новый режим Ирана.

Уход от ответственности (3) реализуется тремя тактиками: во-первых, снятием личной ответственности *“I don’t want that to happen, but it probably will”*. Личная ответственность нивелируется посредством употребления неопределенно-будущего времени (Future Simple) и усиливается наречием *probably*. При этом маркер неопределенности *“WHO KNOWS?”* снимает с говорящего обязательство по реализации прогнозируемого события. Во-вторых, тактикой представления утопической альтернативы, которая вербализуется модальными конструкциями *maybe / can*, тем самым Д. Трамп уклоняется от однозначной трактовки его намерений: *“maybe something revolutionarily wonderful can happen”*. В-третьих, мифологическим обоснованием, которое маркируется оптативной восклицательной конструкцией *“God Bless the Great People of Iran!”*, выражающей пожелание и надежду. Оптатив в английском языке отличается высокой степенью эмоциональной интенсивности, а формальные признаки *Present Subjunctive* (настоящее сослагательное наклонение) указывают на высокую степень гипотетичности. Апелляция к Богу придает угрозе уничтожения легитимность и одновременно создает риторическое противоречие, когда благословение следует непосредственно за угрозой. Подобный сценарий реализуется в большинстве проанализированных нами постов Д. Трампа (36 из 52), в остальных случаях присутствует по крайней мере два из выделенных нами трех ядерных компонентов.

Вслед за К. Леви-Строссом (1983), показавшим, что бинарные структуры организуют мышление и культуру, и Е. И. Шейгал (2000), определяющей оппозицию «свой – чужой» как базовую семиотическую константу политического дискурса, мы выявили в постах Д. Трампа четыре устойчивых бинарных оппозиции, которые исключают промежуточные состояния и вынуждают адресата занять одну из двух полярных позиций. Мир делится на «великое» и «ничтожное», на «спасение» и «уничтожение».

Первая и наиболее общая оппозиция, организующая всё смысловое пространство постов – «свой – чужой». К «своим» Д. Трамп относит себя, своих сторонников, движение *MAGA (Make America Great Again)* (“*MAGA agrees with me*” (RusVesna, 2026). / *МАГА согласна со мной*), а также «настоящих американцев», к которым Д. Трамп относит тех, кто поддерживает его политику и разделяет ценности *MAGA*, а также тех мировых лидеров, которых Д. Трамп характеризует как *highly respected / глубоко уважаемых*.

К «чужим» Д. Трамп относит оппонентов внутри страны и за ее пределами. Внутренние «чужие» маркируются прежде всего как «фейковые» *Fake News CNN / Агентство лже-новостей CNN, The Failing New York Times / Приходящая в упадок New York Times, Radical Left / радикально настроенные левые и Democrat Party / Демократы*. Ярким примером внутренних «чужих» является пост, где Д. Трамп критикует журналистов Т. Карлсона (Tucker Carlson), М. Келли (Megyn Kelly), К. Оуэнс (Candace Owens) и А. Джонса (Alex Jones): “*They are not MAGA, they're losers, just trying to latch on to MAGA*” (RusVesna, 2026). / *Они не MAGA, они неудачники, просто пытаются примазаться к MAGA*. Здесь «чужие» определяются не столько политической позицией, сколько отказом играть по правилам Д. Трампа: любой, кто не поддерживает *MAGA*, даже бывший сторонник, становится проигравшим, то есть «чужим».

Внешние «чужие» в постах Д. Трампа представлены инвективами: “*crazy bastards*” / «ненормальные ублюдки» (об Иране) (The New York Times, 2026a), “*Butcher of Iran*” / Иранский мясник (о лидере Ирана) (Tipp Insights, 2026). К внешним «чужим» относятся также бывшие союзники, например, Франция, которая была “*VERY UNHELPFUL*” (ETV Bharat, 2026) / *ОЧЕНЬ НЕПОЛЕЗНА*, и Великобритания, которая “*refused to get involved in the decapitation of Iran*” (Sputnik Globe, 2026c). / *отказалась участвовать в обезглавливании Ирана*. Таким странам Д. Трамп адресует ультиматум: “*You'll have to start learning how to fight for yourself, the U.S.A. won't be there to help you anymore*” (ETV Bharat, 2026). / *Вам придется начать учиться сражаться за себя, США больше не будут вам помогать*. Характерно, что внешние «чужие» в дискурсе Д. Трампа не просто критикуются, но и лишаются права на союзничество: отказ следовать правилам, установленным Д. Трампом (например, участвовать в военных действиях против Ирана), ведет к разрыву отношений и переводу бывшего союзника в категорию «чужих».

Чужие в дискурсе Д. Трампа – это не просто оппоненты, а именно: проигравшие *losers (a person who is defeated in a competition)* (OALD, 2026) / *тот, кто проиграл в соревнованиях*, *destroyed (to take all the value and pleasure from somebody's life)* (OALD, 2026) / *отнять у кого-либо всё, что составляет ценность и радость жизни*, *collapse (to fall down or fall in suddenly, often after breaking apart)* (OALD, 2026) / *упасть или внезапно обрушиться, часто распадаясь на части*, что задает агональную рамку: мир делится на тех, кто выигрывает (свои), и тех, кто проигрывает (чужие). Победители при этом маркируются лексемами: *win (to be the most successful in a competition)* (OALD, 2026) / *быть лучшим в соревновании*, *strength (the quality of being physically strong)* (OALD, 2026) / *быть сильным физически*, *landslide (an election in which one person or party gets very many more votes than the other people or parties)* (OALD, 2026) / *Выборы, на которых один кандидат или партия получает значительно больше голосов, чем другие кандидаты или партии*, *victory (success in a game, an election, a war, etc.)* (OALD, 2026) / *одержат победу в выборах, войне и т. д.)*.

Частным случаем оппозиции «свой – чужой» является противопоставление Д. Трампа и Дж. Байдена, которое встречается более чем в половине проанализированных постов. Байден неизменно именуется *Sleepy Joe / Сонный Джо* и изображается как слабый, некомпетентный и расточительный предшественник, тогда как сам Д. Трамп предстает решительным лидером, который восстановил военную мощь США и способен решать проблемы, созданные оппонентом. Показательно следующее высказывание: “*Sleepy Joe Biden spent all of his time, and our Country's money, GIVING everything to P. T. Barnum (Zelensky!) of Ukraine – Hundreds of Billions of Dollars worth – <...> Fortunately, I rebuilt the military in my first term, and continue to do so*” (Times of India, 2026). / *Сонный Джо Байден потратил всё свое время и деньги нашей страны, ОТДАВАЯ всё П. Т. Барнуму (Зеленскому!) из Украины – на сотни миллиардов долларов – <...> К счастью, я восстановил армию в свой первый срок и продолжаю это делать*.

Вторая оппозиция – «сила – слабость». Этот контраст пронизывает посты, посвященные как международным отношениям, так и внутренней политике. Полюс силы представлен лексемами *obliterate / уничтожить*, *unlimited supply / неограниченный запас*, *powerful / могущественный*, *relentless attack / непрекращающееся нападение*. Полюс слабости – *refused / отказался*, *delayed courage / отложенная смелость*, *weak / слабый*, *unreliable / ненадежный*. В одном из постов Д. Трамп обращается к европейским союзникам, которые не могут получить топливо из-за ситуации в Ормузском проливе: “*You'll have to start learning how to fight for yourself, the U.S.A. won't be there to help you anymore*” (Sputnik Globe, 2026b). / *Вам придется начать учиться сражаться за себя, США больше не будут рядом, чтобы помочь вам*. Сила, по Д. Трампу, – это способность действовать в одиночку, без опоры на институциональных союзников.

Третья оппозиция – «правда – ложь». Эта оппозиция разворачивается преимущественно во внутреннем информационном поле. Д. Трамп позиционирует себя как единственный источник правды, используя лексемы *truth / правда* и честного человека *honest / честный*, тогда как традиционные СМИ клеймятся как *Fake News / лживые новости*, *lying / лживый*, *crooked / нечестный*, *biased / предвзятый*, *untruthful / неправдивый*. В одном из постов он призывает к отзыву их лицензий у ведущих телевизионных каналов ABC и NBC, называя их угрозой: “*an actual threat to our Democracy!!!*” (Daily Mail, 2025). / *реальная угроза нашей Демократии*. Дискредитация институциональных медиапосредников – важнейший элемент риторической стратегии шпильбрехера: разрушая доверие к «чужим» каналам коммуникации, Д. Трамп утверждает себя как единственного, кто имеет законное право голоса.

И наконец, четвертая оппозиция – «рай – ад». Эта оппозиция доминирует в постах, посвященных Ирану, в которых Д. Трамп дегуманизирует противника и оправдывает отсутствие моральных ограничений

со стороны США. Несмотря на установление нового режима правления в Иране *"a new, and more reasonable, regime"* (The New York Times, 2026b), который Д. Трамп противопоставляет «старому режиму» *"47 years of extortion, corruption, and death"* (Daily Caller, 2026) / *47 лет вымогательства, коррупции и смерти*, риторика Трампа не смягчается, а наоборот, приобретает новую жестокость именно потому, что противник больше не является абсолютным злом.

«Рай» представлен образами «золотого века» *"Golden Age of the Middle East"* (CGTN, 2026) / *Золотой век Ближнего Востока*, великого будущего *"Iran WILL HAVE A GREAT FUTURE"* (Tipp Insights, 2026) / *У Ирана БУДЕТ ВЕЛИКОЕ БУДУЩЕЕ*, а также лозунгом *"MAKE IRAN GREAT AGAIN (MIGA!)"* (Tipp Insights, 2026) / *СДЕЛАЕМ ИРАН СНОВА ВЕЛИКИМ (MIGA!)*, который пародирует и одновременно расширяет оригинальный MAGA-бренд.

«Ад» представлен образами уничтожения *complete destruction and certain death* (The Right Scoop, 2026, March 7) / *полное уничтожение и неминуемая смерть*, образом жизни *"you'll be living in Hell"* (The New York Times, 2026a) / *вы будете жить в аду* и необратимой катастрофы *"A whole civilization will die tonight"* (Daily Caller, 2026) / *Целая цивилизация погибнет сегодня ночью*. Важно, что ад в дискурсе Д. Трампа – это не метафора, а открытая угроза: *"...we will conclude our lovely 'stay' in Iran by blowing up and completely obliterating all of their Electric Generating Plants..."* (The New York Times, 2026b). / *мы завершим наше милое "пребывание" в Иране тем, что взорвем и полностью уничтожим все их электростанции*. Противопоставление местоимения *our* и *their*, а также военного присутствия США в Иране, эвфимизированного лексемами *lovely "stay" in Iran* и неличными формами глагола, обозначающими разрушительные действия *blowing up and completely obliterating*, позволяет Д. Трампу представить тотальное уничтожение гражданской инфраструктуры Ирана как фактически неизбежное и морально нейтральное действие.

Бинарные оппозиции в постах Д. Трампа выполняют несколько функций, напрямую связанных с риторической стратегией «шпильбрехера». Во-первых, они поляризуют аудиторию; ставят под сомнение легитимность институциональных посредников (СМИ, международные организации, политических оппонентов) и конструируют альтернативную реальность, в которой Д. Трамп является единственным источником силы, правды и порядка, тогда как его оппоненты – проигравшими, слабыми и лживыми. Наконец, выделенные оппозиции исключают компромисс как возможную стратегию взаимодействия.

Выявленные бинарные оппозиции задают смысловую рамку постов Д. Трампа, но на языковом уровне эта рамка реализуется через конкретные лексические единицы, которые обнаруживают устойчивую повторяемость. Как отмечает Л. С. Полякова, «частота автоматического выбора определенных лексических единиц свидетельствует об индивидуально-личностных свойствах коммуникатора» (2012, с. 46). В постах Д. Трампа доминируют повторяющиеся лексические единицы (отдельные слова и устойчивые словосочетания), которые мы распределили на три группы по семантическому принципу.

Первая группа – единицы, которые вербализуют положительную оценку: *great* (великий/отлично), *big/biggest* (большой/величайший), *win* (выигрывать), *strength* (сила), *hottest* (самый популярный), *landslide* (оглушительная победа).

Вторая группа – единицы, которые вербализуют отрицательную оценку: *fake* (фальшивый/поддельный), *failing* (неуспевающий / приходящий в упадок), *losers* (неудачники), *nut jobs* (психи), *stupid* (глупые), *crazy* (сумасшедшие), *low IQ* (низкий интеллект), *unhelpful* (беспольный/беспомощный).

Третья группа – единицы, которые вербализуют угрозу: *obliterate* (уничтожить / стереть с лица земли), *blow up* (взорвать), *complete destruction* (полное уничтожение), *decimated* (уничтоженный), *never* (никогда), *die* (умирать), *death* (смерть).

Выявленные повторы формируют биполярную картину мира: на одном полюсе находится Д. Трамп как единственный источник силы, победы и мудрости; на другом – оппоненты как проигравшие, глупые, сумасшедшие или предатели. На основе лексических и семантических повторов были выделены речевые тактики, образующие три категории: конструирование альтернативной реальности; уничтожение оппонента; принуждение и уход от ответственности.

Тактики категории «конструирование альтернативной реальности» направлены на создание такой картины мира, в которой Д. Трамп является центральной фигурой, единственным источником силы, власти и спасения. Эта реальность выстраивается на четырех взаимосвязанных основаниях. Во-первых, через присвоение власти и достижений: Д. Трамп систематически говорит о себе в единственном числе как об источнике решений, которые в действительности являются результатом коллективных действий: *"I have directed"* (Mundo America, 2025) / *я поручил*, *"I rebuilt the military"* (Times of India, 2026) / *я восстановил армию*, *"my 10th war"* (Times of India, 2026). / *моя 10-я война*. Во-вторых, через переписывание прошлого: конструкция *"war would have never started if I were President"* (Mundo America, 2025) / *война никогда бы не началась, если бы я был президентом* создает альтернативную историю, в которой вся ответственность за негативные события возлагается на оппонентов, а говорящий ассоциируется исключительно с позитивными изменениями. В-третьих, через присвоение чужих заслуг: Д. Трамп включает в свой нарратив высказывания, якобы исходящие от оппонентов или третьих лиц: *"Iran has apologized..." "Thank you President Trump"* (The Right Scoop, 2026). / *Иран извинился...* *"Спасибо, президент Трамп"*; *"President congratulated me on the Great Accomplishment of Peace"* (American Buddhist Net, 2025). / *Президент поздравил меня с тем, что я добился Великого Мира*. В-четвертых, через проекцию идеального будущего, которое подается как результат подчинения воле говорящего: *"Golden Age of the Middle East"* (LBC, 2026) / *Золотой век Ближнего Востока*, *"Iran WILL HAVE A GREAT FUTURE"* (Tipp Insights, 2026) / *У Ирана БУДЕТ ВЕЛИКОЕ БУДУЩЕЕ*, *"MAKE IRAN GREAT AGAIN (MIGA!)"* (Tipp Insights, 2026) / *СДЕЛАЕМ*

ИРАН СНОВА ВЕЛИКИМ (MIGA!). В совокупности эти тактики формируют мифологический нарратив, в котором Д. Трамп предстает не как один из участников политического процесса, а как единоличный творец реальности, от которого зависит переход от текущего несовершенного состояния к «золотому веку».

Тактики категории «уничтожение оппонента» направлены на последовательное исключение «чужого» из коммуникативного пространства. На первом этапе оппонент стигматизируется: ему присваивается уничижительный ярлык, который сводит его политическую позицию к физическому дефекту *Low IQs, NUT JOBS, Hand Flailing Fools* (RusVesna, 2026), *P. T. Barnum (Zelensky!)* (Times of India, 2026). Затем следует дегуманизация: оппонент лишается человеческих черт и переводится в разряд угрозы, подлежащей уничтожению: *“you crazy bastards, or you’ll be living in Hell”* (The New York Times, 2026a) / *вы, сумасшедшие ублюдки, или вы будете жить в аду*; *“the old Regime’s 47 year ‘Reign of Terror’”* (Daily Caller, 2026). / *47 лет «Царства террора» старого режима.* Дегуманизация подготавливает следующую тактику – ложную дилемму, при которой оппоненту предъявляется ультиматум, исключающий промежуточные решения: *buy from the U.S. or just TAKE IT* (Sputnik Globe, 2026c) / *покупайте у США или просто ВОЗЬМИТЕ; UNCONDITIONAL SURRENDER!* (Tipp Insights, 2026) / **БЕЗУСЛОВНАЯ КАПИТУЛЯЦИЯ!** Наконец, разрушается легитимность оппонента как участника коммуникации: СМИ объявляются фейковыми (*Fake News CNN* (RusVesna, 2026) / *Фейковые новости CNN*), а политические противники – угрозой (*an actual threat to our Democracy!!!* (The Independent, 2025) / *реальная угроза нашей Демократии!!!*). В результате оппонент лишается права голоса, рациональности и человеческого достоинства, а единственным легитимным участником коммуникации остается сам говорящий.

Тактики категории «принуждение и уход от ответственности» строятся на внутреннем противоречии: Д. Трамп одновременно принуждает аудиторию к действию и уклоняется от личной ответственности за последствия. Принуждение реализуется, во-первых, через прямые императивные высказывания: *“Open the Fuckin’ Strait”* (The New York Times, 2026a) / *Откройте, черт возьми, пролив, “TAKE IT”* (Sputnik Globe, 2026b) / **ВОЗЬМИТЕ, “GET IT DONE!”** (Sputnik Globe, 2026a). / **СДЕЛАЙТЕ ЭТО!** Во-вторых, через суггестивное давление, которое вербализуется капитализацией, восклицаниями и ритмическими повторами: *“They know it, their families know it, and everyone else knows it, too!”* (RusVesna, 2026) / *Они знают это, их семьи знают это, и все остальные тоже это знают!* Уход от ответственности проявляется в многочисленных условных угрозах, где агрессия подается как гипотетический сценарий: *“If Iran doesn’t FULLY OPEN ... we will obliterate”* (The New York Times, 2026b). / *Если Иран ПОЛНОСТЬЮ НЕ ОТКРОЕТ ... мы уничтожим*; *“The U.S.A. will REMEMBER!!!”* (ETV Bharat, 2026). / **США ЗАПОМНЯТ!!!** К этой же категории относятся риторически противоречивые высказывания, в которых угроза совмещается с благословением: *“Praise be to Allah”* (The New York Times, 2026a) / *Хвала Аллаху* и *“you’ll be living in Hell”* (The New York Times, 2026a) / *вы будете жить в аду* в рамках одного поста создает эффект, при котором говорящий одновременно и принуждает, и дистанцируется от собственных слов.

Стилистический анализ выявил в постах Д. Трампа (29 постов из 52) гиперболу и литоту, которые выполняют в дискурсе Д. Трампа функцию контраста. Приведем несколько примеров. *“A whole civilization will die tonight, never to be brought back again”* (Daily Caller, 2026) / *Целая цивилизация умрет сегодня ночью, она никогда не будет восстановлена* – здесь гипербола достигает библейского масштаба, где любой военный удар приравнивается к тотальному исчезновению целого культурно-исторического единства, что не имеет буквальной референции, но создает эффект экзистенциальной угрозы.

“Perhaps he should see a good psychiatrist!” (RusVesna, 2026) / *Возможно, ему следует сходить к хорошему психиатру!* – на фоне развернутого потока оскорблений эта почти вежливая рекомендация представляет собой литоту, которая через намеренное преуменьшение агрессии превращает психологическую атаку в форму холодной насмешки.

“France has been VERY UNHELPFUL <...> the U.S.A. will REMEMBER” (ETV Bharat, 2026) / *Франция была ВООБЩЕ БЕСПОЛЕЗНА <...> США будут ПОМНИТЬ* – литота выражается в отрицании положительного качества, однако контрастный капсюл и угроза превращают это преуменьшение в риторическое орудие сдерживания и будущего возмездия.

“There will be no deal with Iran except UNCONDITIONAL SURRENDER” (Tipp Insights, 2026) / *Не будет никакой сделки с Ираном, кроме БЕЗУСЛОВНОЙ КАПИТУЛЯЦИИ* – гипербола здесь строится через полное отрицание любых промежуточных решений, что создает образ политической реальности, где существует только два полюса: абсолютное подчинение или тотальное уничтожение.

Таким образом, гиперболизация и литота, к которым чаще всего прибегает Д. Трамп, создают масштабный образ врага или собственного величия, а литота через отрицание или эвфемизацию скрывает агрессию под маской сдержанности или иронии. Резкое переключение между этими полюсами создает узнаваемый эмоциональный и манипулятивный эффект высказываний, реализующих риторическую стратегию шпильбрехера.

Заключение

В соответствии с поставленными задачами, в ходе проведенного исследования были сделаны следующие выводы.

Гибридизация политического, медийного и интернет-дискурсов привела к возникновению медиатизированного политического дискурса, характеризующегося снижением институциональных норм, сокращением социальной дистанции, ориентацией на эмоциональное воздействие и спонтанность. Интернет-пост может быть рассмотрен как новый жанр политического заявления, а регулярные нарушения институциональных норм со стороны авторитетного политика – как жанрообразующий признак постов, реализующих стратегию шпильбрехера.

Количественный и качественный анализ интернет-постов Д. Трампа подтвердил, что нарушения институциональных норм носят не эпизодический, а регулярный и предсказуемый характер. Выявленная устойчивая повторяемость неополиткорректности, личных нападок, угроз и дискредитации оппонентов позволяет квалифицировать эти нарушения как осознанную риторическую привычку, что согласуется с выводами предшествующих исследований.

На лексическом уровне стратегия реализуется через три группы семантически маркированных повторов: положительная оценка, отрицательная оценка и угроза. Стилистический анализ выявил доминирование гиперболы, создающей образ тотальной угрозы, и литоты, смягчающей агрессию или вводящей неопределенность; синтаксический анализ выявил императив, капслок, восклицания и ритмические повторы. На основе этих средств выделены три функциональные категории речевых тактик: конструирование альтернативной реальности, уничтожение оппонента и принуждение с уходом от ответственности.

Смысловое пространство постов организовано четырьмя устойчивыми бинарными оппозициями: «свой – чужой», «сила – слабость», «правда – ложь», «рай – ад». Эти оппозиции исключают промежуточные состояния, поляризуют аудиторию, дискредитируют институциональных посредников и конструируют альтернативную реальность, в которой Д. Трамп является единственным источником силы, правды и порядка.

Применение теории игры Й. Хейзинги позволяет интерпретировать системное нарушение институциональных норм Д. Трампом как целостную риторическую стратегию «шпильбрехера». Шпильбрехер – это участник игры, который не просто нарушает ее правила, но создает новое сообщество с новыми правилами. Речевое поведение Д. Трампа создает прецедент, постепенно размывающий границы допустимого в политической коммуникации и формирующий новую, более сниженную институциональную норму.

Перспективы исследования связаны с сопоставительным анализом аналогичных стратегий в других национальных политических дискурсах, а также с изучением того, как стратегия «шпильбрехера» воспринимается разными типами аудитории.

Материалы исследования | Research materials

1. American Buddhist Net – I have just concluded my telephone conversation with President Vladimir Putin of Russia... // American Buddhist Net. 2025. October 16. <https://americanbuddhist.net/2025/10/16/i-have-just-concluded-my-telephone-conversation-with-president-vladimir-putin-of-russia-and-it-was-a-very-productive-one-trump/>
2. CGTN – A big day for World Peace! Iran wants it to happen, they've had enough! // CGTN. 2026. April 8. <https://news.cgtn.com/news/2026-04-08/news-1MaF8qFTJXG/p.html>
3. Collins B. Sleep-Deprived Trump Posts Every 3 Minutes in Unhinged Rampage // The Daily Beast. 2026. May 12. <https://www.thedailybeast.com/sleep-deprived-trump-posts-every-3-minutes-in-unhinged-rampage/>
4. Daily Caller – Trump: 'A Whole Civilization Will Die Tonight' If Iran Doesn't Surrender // Daily Caller. 2026. April 7. <https://dailycaller.com/2026/04/07/trump-civilization-will-die-iran/>
5. Daily Mail – Trump suggests major networks ABC and NBC should have their licenses REVOKED // Daily Mail. 2025. August 24. <https://www.dailymail.com/media/article-15030827/Donald-Trump-major-networks-ABC-NBC-licenses-revoked.html>
6. ETV Bharat – France Has Been 'Very Unhelpful', Says Other Countries Should 'Just Take' the Strait of Hormuz, Says Trump // ETV Bharat. 2026. March 31. <https://www.etvbharat.com/en/international/france-has-been-very-unhelpful-says-other-countries-should-just-take-the-strait-of-hormuz-says-trump-enn26033104837>
7. LBC – 'World Peace': Trump Announces Two-Week Ceasefire Deal In Iran // LBC. 2026. April 8. https://www.lbc.co.uk/article/world-peace-trump-two-week-ceasefire-deal-iran-5HjdXQR_2/
8. Mundo America – Trump sends special envoy to Moscow and says he will not meet with Putin or Zelenski until peace agreement is reached // Mundo America. 2025. November 26. <https://www.mundoamerica.com/news/2025/11/26/6926d8e1e9cf4a6f5c8b4596.html>
9. OALD – In Oxford Advanced Learner's Dictionary // Oxford University Press. 2026. <https://www.oxford-learnersdictionaries.com/>
10. RusVesna – Trump Goes on a Rant Against Tucker Carlson, Megyn Kelly, Candace Owens, Alex Jones // RusVesna. 2026. April 10. <https://rusvesna.su/news/1775841430>
11. Sputnik Globe – *Israel, Lebanon Agree to Begin 10-Day Ceasefire on Thursday – Trump* // Sputnik Globe. 2026a. April 16. <https://sputnikglobe.com/20260416/israel-lebanon-agree-to-begin-10-day-ceasefire-on-thursday---trump-1123998972.html>
12. Sputnik Globe – US Will Not Provide Aid to Protect Those That Refused to Support Iran Operation – Trump // Sputnik Globe. 2026b. March 31. <https://sputnikglobe.com/20260331/us-will-not-provide-aid-to-protect-those-that-refused-to-support-iran-operation---trump-1123925657.html>
13. Tait R. Trump's toxic, racist video surpasses previous levels of debasement // The Guardian. 2026. February 6. <https://www.theguardian.com/us-news/2026/feb/06/trump-obama-video-racist>
14. The Independent – Trump calls for ABC and NBC to lose their licences over '97% bad stories' about him // The Independent. 2025. August 25. <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/trump-abc-nbc-broadcast-licenses-b2813617.html>
15. The New York Times – Trump Threatens Iran With 'Hell' and 'Complete Destruction' // The New York Times. 2026a. April 5. <https://www.nytimes.com/live/2026/04/05/world/iran-war-trump-news>

16. The New York Times – Trump Threatens to ‘Obliterate’ Iranian Energy Sites if No Deal Is Reached // The New York Times. 2026b. March 30. <https://www.nytimes.com/2026/03/30/world/middleeast/trump-iran-threats-kharg-island.html>
17. The Right Scoop – Trump says Iran has ‘surrendered’ to its Middle East neighbors, ‘will be hit very hard today’ // The Right Scoop. 2026. March 7. <https://therightscoop.com/trump-says-iran-has-surrendered-to-its-middle-east-neighbors-will-be-hit-very-hard-today/>
18. Times of India – US-Iran War: Ammo Race and Industrial Capacity Strain // Times of India. 2026. March 5. <https://timesofindia.indiatimes.com/defence/international/us-iran-war-is-us-running-out-of-ammo-iran-missiles-vs-us-interceptors-ayatollah-ali-khamenei/articleshow/129079903.cms>
19. Tippi Insights – Trump Demands Iran’s Unconditional Surrender // Tippi Insights. 2026. March 6. <https://tippinsights.com/trump-demands-irans-unconditional-surrender/>

Источники | References

1. Балакина Ю. В. Электронный текст: принципиально новый тип текста? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2016. Т. 15. № 3.
2. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика. М.: Флинта, 2022.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования / пер. с нем. // Новое в зарубежной лингвистике: сборник. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика.
4. Давыдова М. Медиадискурс: понятие, подходы к изучению, перспективы исследования // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 3 (81). <https://doi.org/10.26907/2782-4756-2025-81-3-15-24>
5. Зырянова И. П. Политкорректность в выступлениях политического и государственного деятеля Дональда Трампа // Филология: научные исследования. 2025. № 4. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2025.4.70696>
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
7. Леви-Стросс К. Структурная антропология / пер. с фр. В. В. Иванова. М.: Наука, 1983.
8. Лобанова Т. Н., Середенко В. М. Языковые средства экспрессии и аксиологические стратегии в медиатекстах по проблематике торговой войны Дональда Трампа между США и КНР // Litera. 2025. № 4. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2025.4.74114>
9. Минаева Л. В. Язык и речевое поведение Д. Трампа // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2020. Т. 17. № 1. <https://doi.org/10.31079/1992-2868-2020-17-1-153-158>
10. Новосад К. Ю., Юрина Е. А. Феномен лингвокреативности и его реализация в дискурсе СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. № 7. <https://doi.org/10.30853/phl20240348>
11. Останина А. В. Невербальные средства интерпретации образа Дональда Трампа в англоязычной прессе (на примере карикатур) // Russian Linguistic Bulletin. 2024. № 6 (54). <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.54.21>
12. Полякова Л. С. Понятие «Речевое поведение»: теоретические аспекты // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2012. № 14.
13. Русакова О. Ф., Грибовод Е. Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Т. 14. № 4.
14. Тань Цзе. Образная репрезентация информации в медиатизированном политическом дискурсе: дисс. ... к. филол. н. М., 2025.
15. Тань Цзе. Образные единицы в коммуникативных практиках медиатизированного политического дискурса // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2024. № 2.
16. Хейзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий / пер. с нидерл. В. В. Ошиса. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2018.
17. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дисс. ... д. филол. н. Волгоград, 2000.
18. Яковлева Е. В. Реализация ситуационных когнитивных моделей в англоязычном учебном дискурсе // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28. № 3.

Информация об авторах | Author information

Симонова Елена Петровна¹

¹ Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск

Elena Petrovna Simonova¹

¹ Pacific National University, Khabarovsk

¹ epsimonova@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 03.06.2026; опубликовано online (published online): 27.07.2026.

Ключевые слова (keywords): риторическая стратегия «шпильбрехера»; Д. Трамп; медиатизированный политический дискурс; институциональные нормы политической коммуникации; интернет-пост; бинарные оппозиции; rhetorical strategy of “Spielbrecher”; Donald Trump; mediatized political discourse; institutional norms of political communication; internet post; binary oppositions.